

Жизнь дается один раз...

60 лет назад в аллеях Перми росли не цветы и зеленели не газоны. После войны был голод, и земля была засажена... картофелем. Тяжелое было время. Сейчас нам трудно это представить, когда в магазинах есть все, что угодно. А тогда в булочную занимали очередь с вечера...

Георгий Семенович Шевцов хорошо помнит послевоенное время. Помнит войну. Еще до нашей встречи он казался мне интересным собеседником: воевал и выжил, жил совсем в другую эпоху и много лет своей жизни посвятил нашему Пермскому государственному университету. Мы должны больше знать о таких людях.

Георгий Семенович – доцент кафедры высшей математики ПГУ – в 2000 г. вышел на пенсию. Но ему очень не хватает университетских будней. На заслуженном отдыхе необходимо еще привикнуть к тому, что ничего не надо делать. Для Георгия Семеновича это настоящая проблема – сидеть без работы. Можно только позавидовать трудоспособности людей старшего поколения. Сейчас Георгий Семенович пишет пособие по математике, и работа приносит ему настоящее удовольствие.

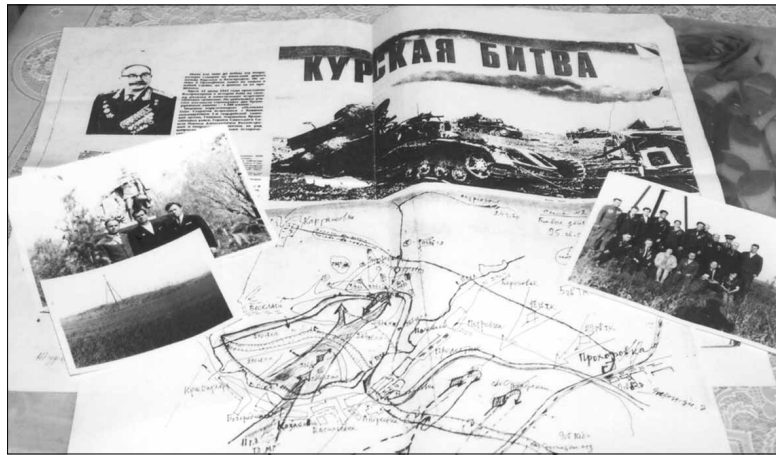
Приближается 9 Мая, все будут поздравлять победителей. Раньше Георгий Семенович всегда ходил на парады, посвященные Дню Победы. Оказывается, в 1947 году праздник был отменен, так как по просьбам трудящихся ввели два новых праздника: Новый год и 8 Марта. День Победы снова начали праздновать только когда исполнилось 25 лет. «Тогда было много живых, – рассказывает мой собеседник, – сейчас уже встречаться не с кем. Да и на парад ходить – здоровья нет».

О войне Георгию Семеновичу до сих пор тяжело говорить. Видимо, боевые раны на сердце до конца никогда не заживают. Он был дважды ранен. В бою под деревней Прохоровкой его с товарищем в пулеметной ячейке замаял танк. То есть сравнял с землей. Но 17-летний Шевцов остался жив.

– Что чувствуешь, когда на тебя идет танк?

– Во-первых, не успеешь почувствовать (смеется Георгий Семенович). Как ни странно, он смеется, когда говорит о самом страшном, тяжелом, с трудом пережитом). Это происходит настолько быстро. А во-вторых, в бою человек превращается в какой-то... автомат, который думает только об одном: стрелять, стрелять, стрелять. Больше, мне кажется, никаких чувств нет. Но у меня, например, был один особый страх: я боялся, не дай бог, попасть в плен.

Были случаи, когда в бою взрослые дяди кричали «мама!», и бога вспоминали, и крестились. У меня лично было единственное желание: прижаться к земле и хоть лопату перед собой поставить, чтобы прикрыться. Потому что из пулеметов так стреляют, что рожь в поле косится. А чуть только дашь очередь, одну-другую, как над тобой моментально появляется перекресток траассирующих пуль. Они указывают, куда надо стрелять из миномета. И тогда начинается обстрел. Прежде всего, надо пулеметчиков уничтожить (бывший пулеметчик снова смеется). Когда случались небольшие перерывы, мы старались забить как можно больше лент для пулемета. Делать это было очень сложно. Ленты из брезента, и если чуть-чуть намочили, патроны плохо ложились, что могло давить во вре-

мя стрельбы перекус. А в бою это уже смерть.

– Что заставляет солдата идти в атаку, наперекор инстинкту самосохранения?

– Я приведу такой пример. Как-то мы задали вопрос солдату, который для нас казался старым-престарым (ему было около 50 лет): «Ну, вот как ты? Сейчас говорят «За Родину! За Сталина!». Он подумал-подумал и, знаете, как русский христианин, умный, мудрый человек, тихонечко сказал: «Раньше было так: шли в атаку за бога, за царя, за отечество. За бога (загибал пальцы солдат) – бог с ним, за царя – (он тут выругался), а за отечество, ребята, – деваться некуда». Вот философия простого солдата.

Георгий Семенович рассказал такой случай. В сентябре 41-го, когда в Кунгурском лесотехникуме, куда он поступил учиться после окончания семилетки, начался 3 семестр. Студенты пришли после практики в техникум. Однажды раздался непрерывный, пронзительный звонок. По коридорам бежали дежурные, каждый открывал двери: «Всем на митинг!» Студенты спустились в актовый зал. Столы там успели покрыть красными суконными одеялами. Оказалось, пришли из райкома партии, из комсомола и один, офицер, из военкомата. Из райкома партии поднялся и сказал: «Товарищи студенты, известно, что началась война. Есть предложение подходить к столу и записываться добровольцем». Митинг начался где-то в 10-11 часов. Поезд провожали уже в 5-ом часу вечера... За несколько часов всех собрали и отправили на фронт.

– Без всяких училищ! Раз – и под Москву! Москва ведь горит. Уже через две недели начали поступать «похоронки». Некоторые возвращались ранеными. А кто там остался, тех и сейчас разыскивают. Из 175 человек нашего потока техникум закончили 21. Мне тогда исполнилось только 16 лет, поэтому на фронт не взяли.

Техникум Георгий Семенович закончил с отличием. И, семнадцатилетний, добровольцем ушел на фронт. Не окончив Пермское пулеметно-минометное училище, попал на Курскую дугу.

Мы склонились над разложенной на столе Георгием Семеновичем картой из Прохоровского музея. Вот она – знаменитая деревня Прохоровка на Курской дуге. Здесь произошло грандиозное танковое сражение. Удивительно, с какой поразительной точностью помнит Георгий Семенович мельчайшие детали: даты, время, названия, фамилии. А

много ли осталось в наших головах после школьного курса истории? Наверно, люди, прошедшие войну, всегда интересуются деталями военных действий и событиями тех памятных мест.

Георгий Семенович служил в прославленной 95-ой четырехжды (!) орденоносной дивизии 5-й гвардейской армии, каждый полк в которой был именной. «Для меня дивизия оказалась знаменитой», – признается мой собеседник. Мне особенно хотелось расспросить Георгия Семеновича о Курской дуге, об известнейшем сражении под деревней Прохоровка:

– Я пулеметчик и был совсем рядом с танковым сражением (мой собеседник показывает на карте манычские, которые совершила «Мертвая голова» – немецкая танковая дивизия). Танки проходили через пятую гвардейскую танковую армию Жадова. Это я сейчас знаю, а тогда ведь я был солдатом и ничего не знал. Я находился вот здесь... (карандаш указал на точку с цифрами). В районе высоты 226. Через нас прошли танки, так что я тоже считаю себя участником этого знаменитого танкового сражения.

Участок, на котором немцы собирались осуществить прорыв, был не больше четырех километров. Через него, говорят, шло около 400 танков. Чтобы проложить «Мертвой голове» дорогу, нас начали бомбить в 8:30 утра и бомбили до 13:30. Эти подробности я узнал, конечно, намного позже. Тогда мне показалось, что нас бомбили не меньше 1000 самолетов, потому что земля так колыхалась, что осыпались окопы. Как оказалось, нас тогда бомбили всего 130 самолетов. Просто у немцев близко находились аэродромы. Первая очередь самолетов не успевала еще отбомбиться, как вторая выстраивалась в хвост. И непрерывно бомбили, бомбили, бомбили.

А вот что я узнал из немецких источников. Манштейн (как раз он командовал этой операцией) писал, что в южной части Курской дуги при планировании фронта исходили из следующих расчетов: в месте прорыва фронта должно быть не меньше 100 танков на каждый километр; каждый танк должен был поддерживаться не менее, чем 300 солдат и офицеров, не менее шести стволов тяжелой артиллерии (это шесть пушек, а каждая пушка уж два-то раза в минуту выстрелит). И что на меня произвело наиболее сильное впечатление: каждый танк поддерживается с воздуха не менее 1,1 самолета. Значит, на 100 танков приходилось

110 самолетов. Вот и получается ад кромешный.

Помню как сейчас. Бой начался в 8:30. А у нас из пулемета вылипла вода, и мне пришлось с высоты бежать в ложок, там был ручей. Побежал с канистрой, набрал воды, повернулся в сторону боя, чтобы бежать обратно... и мне как-то неприятно стало, я даже немного напугался. До боя там было ржаное поле, стояла высокая рожь. И вдруг поле оказалось паханым. Все было в дыму, земля изрыта воронками, будто поле вспахали. И солнце светилось как во время затмения: непонятным оранжевым, еле-еле пробиваясь сквозь дым, гарь и пыль. Такая картина была уже к 11 часам. А бой продолжался до позднего вечера...

А насчет победы... К тому времени, к 43-му, уже была какая-то уверенность, что мы все равно победим. Уверенность была, начиная с 41-го...

Георгий Семенович участвовал в боях за Киев. Для освобождения города он добровольцем вызвался форсировать Днепр. Форсировали южнее Киева.

– Вы смотрели кинофильм «Батальоны просят огня»? – спрашивает Георгий Семенович. – Фильм про то, как под Киевом послали в бой батальоны. Солдаты все просят и просят огня, а про них вроде как и забыли. Оказывается, это были не несколько батальонов (в батальоне около 800 человек), а сводная группа (20 000 (!) человек). Нам было дано задание: форсировать Днепр и освободить Киев. А про нас вроде бы и забыли. Оказывается, мы наносили отвлекающий удар. В это время севернее Киева (мы были южнее) 2 ноября 1943 года начался прорыв советской армии и наступление на Киев. И только благодаря тому, что пожертвовали нами, мы освободили Киев на третьи сутки после начала прорыва. Об этом я узнал спустя 30 лет в одной из книг о войне.

– Что Вы почувствовали, когда узнали, что вами пожертвовали ради победы? Вы считаете, что это был хороший план?

– Это был гениальный план! У Ватутина была самая гениальная операция! Ватутин – командующий 1-м Украинским фронтом – не согласился, во-первых, с тем, что прорыв надо делать южнее Киева. Южнее пытались прорваться, но ничего не получилось. Во-вторых, другие командующие хотели прорывать участок в 300-350 км. Но Ватутин настоял на участке в 7 км, на которые приходилось около 350 наших орудий...

Георгий Семенович следит за событиями в стране и в мире, слушает новости. Его очень возмущают «цветные» революции.

– Вы за Юценко или за Януковича?

– Я за Украину. И мне кажется, что те, кто сейчас пришел там к власти – самые неприятные люди.

Георгию Семеновичу тяжело смотреть фильмы, посвященные военным событиям. Из старых фильмов о войне самый любимый – «Горячий снег». Из современных понравился «Штрафбат»:

– Рядом с нами на «курщине» была штрафроты. У них и у нас было где-то по 900 человек. После боя у нас осталось 40 человек, у штрафников – 17 человек. Эти 17 кровью смыли свою вину...

Война шокирует. К счастью, помимо страшной войны наша память хранит воспоминания о мирном времени, молодости, которые тоже очень интересны. Интерес в сравнении: а как мы живем сегодня? Мне все время кажется, что люди, которые прожили долгую, порой, тяже-

лую жизнь, знают об этом мире больше, ведь за плечами такой опыт. Но на вопрос «Вы знаете жизнь?» Георгий Семенович ответил: «Некогда было следить за жизнью, я следил за работой».

– А как раньше развлекалась молодежь?

– В школах были вечера, в техникуме проходили балы, в городе все ходило в парк Горького на танцплощадку. Танцевали на воздухе, а не в тесных прокуренных дискотечных подвалах, как сегодня.

– Георгий Семенович, а в нашем университете произошли сильные изменения?

– Сейчас наш вуз вырос настолько, что стал плохо управляемым. Потому что нельзя за всем уследить. Например, раньше в одном общежитии с нами жили и ректор, и деканы, и заведующие кафедрами. Они хорошо знали нас. Бывало, в Новый год ректор начал обходить комнаты студентов с поздравлениями... Под вечер в свою комнату его уже заносили.

Георгий Семенович – требовательный педагог и воспитатель. Хороший преподаватель, по его мнению, должен разбираться в своем предмете. Ребята должны чувствовать, что человек сам знает то, о чем говорит. Только тогда можно требовать что-то от студентов.

Для преподавателя Шевцова все студенты всегда были равны: были ли это дети другого преподавателя, или собственные дети и внуки Георгия Семеновича, которые учились в ПГУ на экономическом факультете (кибернетика) и мехмате. Никто никогда не подходил к Шевцову просить за своих детей, знали: лучше не связываться.

– Если студент ленится, то это очень плохо. Я могу об этом прямо сказать. Многие исправлялись. Я так думаю: если уж решил учиться, то надо это делать добросовестно. Зато сейчас мои студенты живут и в Израиле, и в Норвегии, и в Америке.

– А пенсии хватает? Вы не обижены на государство?

– Пенсия сейчас лучше, чем в те времена. С монетизацией лично я даже выиграл. Но что раньше, что сейчас – не все живут одинаково. В то время, когда в магазинах ничего не было, для Обкома партии поставлялось той же колбасы 400 кг (!)... каждый день. А в «Доме советов» (ныне Пермское законодательное собрание) были две столовые: одна для тех, кто работал на верхних этажах (Обком партии), другая – для работающих внизу. Работников с нижних этажей просто не пускали в «высокую» столовую.

Изменились ли люди? Да. Стали жестче. А раньше все делалось «за так», по-соседски. Но Шевцову всегда везло и по сей день везет на хороших людей.

– Как Вы думаете, способна ли современная молодежь оценить и понять те военные события?

– Молодые не могут представить того времени, все то, что мы пережили. И это нормально: молодые должны успевать веселиться – жизнь дается один раз, и надо все успеть.

Беседа с Георгием Семеновичем Шевцовым, я поняла, что он прав – «молодые не могут представить того времени». Да, мне трудно представить, что чувствовали люди, пережившие эту страшную войну. Я не могу почувствовать этого, но могу (и должна!), по крайней мере, не забывать. Потому что я точно знаю, что не хочу, чтобы в аллеях нашего города вместо цветов выращивали картофель.

Мария РУСАК,
филфак, 3 к.